
Константин Анчиков, Сергей Заир-Бек, Татьяна Мерцалова

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ШКОЛЬНОГО ВЫБОРА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ИНДЕКСА

Статья посвящена сопоставительному анализу национальных образовательных политик в области школьного выбора в странах бывшего Советского Союза. Целью исследования является анализ трансформации образовательной политики после распада СССР, перехода от унифицированной советской системы к суверенным национальным моделям управления образованием. Предлагается новый подход к пониманию школьного выбора с учетом законодательно установленных норм, которые обеспечивают индивидуализацию образовательных траекторий учеников и поддержку возможности осуществления выбора. Сопоставительный анализ нормативного регулирования школьного выбора проведен методом индексирования на основе разработанного комплекса показателей, характеризующих вариативность и централизацию механизмов нормативного регулирования школьного выбора. Исследование выявило, что страны постсоветского пространства предприняли шаги к формированию и реализации механизмов школьного выбора. Основное внимание в работе уделяется анализу сочетания возможностей выбора с характером их

Константин Михайлович Анчиков – аспирант, стажер-исследователь, Центр общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва Россия. Электронная почта: kanchikov@hse.ru ORCID: 0000–0002–9021–7339

Сергей Измаилович Заир-Бек – к.пед.н., ведущий эксперт, Центр общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва Россия. Электронная почта: szair-bek@hse.ru ORCID: 0000–0001–6390–2296

Татьяна Анатольевна Мерцалова – к.пед.н., ведущий эксперт, Центр общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва Россия. Электронная почта: tmertsalova@hse.ru ORCID: 0000–0003–1482–1988

регулирующие на различных уровнях, что позволяет более полно оценить сложность и многогранность процессов трансформации. В частности, подчеркивается, что несмотря на декларирование документального регулирования и предоставление выбора широко декларируется, реальное внедрение и эффективность этих механизмов ограничивается из-за локальных социокультурных, экономических и геополитических условий.

Ключевые слова: школьный выбор, образовательная политика, образование в постсоветских странах, индекс

Цитирование: Анчиков К., Заир-Бек С., Мерцалова Т. (2024) Политики в отношении школьного выбора в постсоветских странах: опыт построения индекса. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (2): 209–224.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-209-224

После распада СССР организация школьного образования в созданных независимых государствах претерпела существенные изменения. Сопоставительное изучение трансформации национальных систем общего образования в странах бывшего СССР остается актуальной областью исследований на протяжении последних десятилетий. Сначала в составе масштабной традиции изучения политических, экономических и социальных переходов, известной как «транзитология» (Cowen 1996; 2000; Gerskovits 1998), затем находилось в рамках критического дискурса (Kapustin 2001; Karpov, Lisovskaya 2001; Mitter 2003; Silova 2009). Сегодня продолжается в русле концепций постколониализма – направления исследований особенностей трансформации социальных систем образования в изменившейся геополитической реальности (Tikly 2008; Brysk et al. 2002; Ashcroft 2001; Partlett, Küpper 2022).

Исследования изменений в образовательной политике стран бывшего СССР в период транзита выделяют в первую очередь такие общие векторы как сдвиг от унификации к вариативности, создание конкурентной среды, обеспечение большей свободы выбора и индивидуализации (Podar et al. 2016), переход от централизации к децентрализации, увеличение автономии школ, а также появление негосударственного школьного сектора (Silova 2002). При наличии общих черт трансформации национальных систем образования постсоветских стран наблюдались отличия в сценариях и динамике, которые обусловлены культурными, экономическими и политическими контекстами. В настоящее время общепризнанным является отказ от представлений о последовательных линейных изменениях, о постепенной замене «старой» социалистической политики, практик и ценностей на «новые» западные. Внимание сосредотачивается на сложности процессов трансформации, часто принимающих непредвиденный характер, траектории которых могут вести к нескольким пунктам назначения (Silova 2009). Продвижение в этом направлении требует новых фокусов и инструментов

анализа образовательной политики, которые позволят выявить особенности и отличия как в общем, так и в сходном контексте.

В качестве перспективного конструкта, позволяющего решать эту задачу, в статье предлагается понятие «школьного выбора» (*school choice*). Мы интерпретируем данное понятие шире, чем в традиционных исследованиях (OECD 2017; Jheng et al. 2022), рассматривая его не только как принципы, регулирующие возможности выбора школы, но и как совокупность нормативно закреплённых оснований, определяющих возможности индивидуализации образовательных траекторий различных категорий детей. Анализ тех возможностей выбора, которые предоставляет семьям законодательство в области образования, и способов реализации этих возможностей, на наш взгляд, позволяет увидеть неоднозначность и противоречивость признанных значимыми векторах постсоветского транзита в сфере образования: унификации и централизации.

Ряд исследований в странах постсоветского пространства затрагивает вопрос изучения процесса и последствий реализации политики школьного выбора в традиционной интерпретации (Poder, Lauri 2014; Janashia 2015; Tabatadze, Gorgadze 2017). Эти исследования часто ограничиваются отдельными странами или группами стран, такими как Центральная Азия, страны Северного Кавказа и страны Балтии (Niyozov, Dastambuev 2013; Steiner-Khamsi 2014). В них рассматриваются отдельные направления образовательной политики и реформ, связанных с правами и возможностями особых групп школьников (Cook, Iarskaia-Smirnova 2023; Khavenson, Carnoy 2016; Makoele 2020; Kugelmass, Galkiené 2003). Однако до сих пор не проводились комплексные исследования национальной политики в отношении возможностей школы, форм обучения, образовательных программ и организаций, охватывающие все страны бывшего СССР.

Дефицит сопоставительных исследований национальных политик в области образования во многом обусловлен сложностью применения количественных методов анализа составляющих. Для преодоления этих ограничений в статье используется метод индексирования. Этот метод позволяет использовать числовой формат при анализе качественных данных, таких как официальные нормативно-правовые документы (НПД). Использование индексов для сопоставления экономических и социальных процессов является одним из традиционных научных методов (Harguindeguy et al. 2021). Метод индексирования территорий по характеру таких процессов используется, в том числе при изучении постсоветских стран (Nosov et al. 2020). Примерами индексов, отражающих анализ НПД, могут служить индекс экологической эффективности¹, мировой индекс свободы прессы², глобальный рейтинг права на информацию³.

¹ URL: <https://epi.yale.edu/>

² URL: <https://rsf.org/en/ranking>

³ URL: <https://rti-rating.org/>

Цель данной статьи – проведение сопоставительного анализа образовательных политик – реализована посредством поэтапного выполнения задач: декомпозиции феномена школьного выбора, выявление его признаков и характеристик; квантификации информации о регулировании школьного выбора, отраженной в НПД национального уровня, с использованием метода индексирования; интерпретации полученных результатов.

Методология

Исследование базируется на теоретических концепциях постколониализма (Gandhi 2018; Andreotti 2011) и неолиберализма (Eucken 1932, Davies, Bansel 2007). Постколониальная линза используется для рассмотрения характера постсоветского транзита: какой след в современной политике стран оставил опыт унифицированного централизованного политического устройства Советского Союза и какой путь регулирования системы образования выбрали страны после распада СССР.

Неолиберализм, провозглашающий ценность свободы выбора и персональной ответственности, децентрализации, конкурентного рынка в образовании, определяет взгляд на образовательную политику в области школьного выбора в постсоветский период рассматриваемых стран. Парадигма неолиберализма используется при рассмотрении характера политики в области школьного выбора: возможности реализации семьями выбора образовательных условий рассматриваются как преимущество системы и социальное благо. Несмотря на обоснованную критику эффектов реализации принципов неолиберализма (Shore 2010; Ball 2012), именно они выступали опорой при проведении реформ в постсоветских странах.

Термин «школьный выбор» в образовательной политике используется для обозначения национальной программы, предоставляющей учащимся возможность учиться в школе, отличной от закрепленной по месту жительства (OECD 2017). Предлагаемая в данной работе интерпретация школьного выбора расширяет методологическую рамку, предложенную Дугом Арчболдом (Archbold 1996), которая используется для оценки масштаба реализуемого семьями выбора в рамках системы образования. В своей работе Арчболд использует широкий спектр показателей, прямо или косвенно описывающих, как семьи реализуют выбор, что сочетается с идеей данной статьи о расширении представления о школьном выборе. Указанная рамка строится на модели анализа индикаторов входящих, процессных и результирующих, где блок процессных индикаторов рассматривается как комплекс показателей на уровне системы и на уровне семей. Показатели на уровне системы наиболее релевантны используемому в данной статье подходу к анализу с учетом кабинетного характера исследования национальной образовательной политики стран.

Показатели системного уровня нацелены на демонстрацию способности образования предоставить и учесть сделанный семьями выбор. В частности, подразумевается широкий выбор опций и доступность этих опций для различных категорий семей. Доступность рассматривается с позиции анализа возможностей выбора, имеющихся у различных категорий семей и самих детей. Подход Арчболда адаптирован к цели нашего исследования: сопоставительному анализу образовательных политик стран. Базовый принцип в понимании школьного выбора сохраняется – это дифференциация возможных опций образования и поддержание возможности их выбора.

Под дифференциацией образовательных опций понимается, во-первых, выбор типов школ, включая государственные и частные, элитарные, повышенного уровня, специальные и коррекционные, школы с обучением на языках национальных меньшинств, с учетом наличия территориальной привязки по месту жительства; во-вторых, выбор образовательных программ и треков, таких как углубленные, инклюзивные, дополнительные программы, а также возможность домашней, семейной формы обучения, наличие ранней профилизации.

Поддержка выбора подразумевает: наличие прав на персонализацию образовательного маршрута, включая возможность выбора возраста получения обязательного образования, гибкость образовательной траектории в старшей школе, возможность использования индивидуального учебного плана, а также возможность перевода между школами или смены трека внутри школы; использование доступных опций без ущерба текущему положению, включая наличие корректирующих дифференцированных механизмов финансирования различных типов школ и территорий, групп контингента, а также отсутствие поражения в правах в случае отчисления из школы; учет специфики различных категорий детей и семей, включая детей с ОВЗ и детей-инвалидов, детей с проблемами в обучении, одаренных учащихся, представителей национальных меньшинств и носителей языков, отличных от государственного.

В результате систематизации перечисленных характеристик сформированы восемь направлений нормативного регулирования школьного выбора, которые могут быть задекларированы на национальном уровне (Приложение 1). Сочетание характеристик комплексно определяет состояние политики в отношении школьного выбора. Нормативное регулирование вопросов школьного выбора рассматривается по двум векторам: вариативность декларируемых государством возможностей реализации школьного выбора – насколько широкий спектр механизмов обеспечения и учета школьного выбора зафиксирован в НПД на национальном уровне; централизация регулирования школьного выбора – насколько жестко, подробно и структурировано прописаны в НПД нормы в отношении школьного выбора на национальном уровне.

Метод и данные

В данной работе используется, адаптируется и расширяется методология исследования *SABER*, реализуемая Всемирным банком (Rogers, Demas 2013) для анализа национальных образовательных политик. Исследование *SABER* строится на сопоставлении нормативно закреплённых основ функционирования образовательных систем и правоприменительных практик. Используемый в данной работе метод заключается в преобразовании качественных данных о национальной политике в числовые оценки методом индексирования, которые в дальнейшем агрегируются и используются для сопоставительного анализа. Применяемый нами метод индексирования опирается на опыт исследований *SABER*, но расширяется шкалой анализа централизации нормативного регулирования, что важно для более комплексного понимания характера образовательной политики в области школьного выбора.

Валидизация таких инструментов затруднена в связи со спецификой используемых данных, наиболее оправданными являются экспертные методы (Fernández-Gómez et al., 2020; Escobar-Pérez, Cuervo-Martínez 2008). Экспертная валидизация инструмента осуществлялась исследователями социальной политики, бывшими и действующими представителями органов власти в сфере образования, в том числе изучаемых стран, а также опытными практиками в области аналитики и работы с данными. В ходе валидизации оценивалась адекватность и актуальность выбранных показателей, полнота структуры и ясность критериев измерения.

Для формирования индексов школьного выбора сформированы две шкалы. Первая – шкала вариативности механизмов реализации выбора, декларируемых на национальном уровне. Шкала является четырехмерной, и назначение баллов осуществляется путем оценки наличия/отсутствия в национальных НПД рассматриваемых механизмов выбора. Для каждого направления нормативного регулирования отобраны четыре наиболее значимых, по оценкам экспертов, средства и способа реализации школьного выбора. Максимально возможная оценка по каждому направлению составляет один балл (по 0,25 балла за каждый механизм). При оценке учитывается вектор: положительная трактовка возможна как при наличии (в таблице маркируется как «+»), так и при отсутствии (маркируется как «–») механизма. Максимально возможная оценка страны по данной шкале составляет десять баллов (из восьми направлений критерий «Порядок обучения особых категорий» раскрыт в трех частях). Максимальная оценка указывает на наличие наиболее широкого спектра возможностей реализации школьного выбора, закреплённых на национальном уровне.

Вторая шкала – шкала централизации нормативного регулирования рассматриваемых характеристик школьного выбора на национальном уровне – является четырехмерной шкалой с интервалом от 0 до 3 и шагом в один

балл. Шкала отражает степень концентрации норм на национальном уровне и дополняет шкалу вариативности механизмов выбора для понимания, как обеспечивается реализация декларируемых механизмов. Оценка осуществляется методом назначения баллов: 0 – нормы отсутствуют, механизмы реализации нормы не определены; 1 – в законодательстве определена возможность, но реализация возможности не зафиксирована; 2 – норма зафиксирована рамочно, реализация нормы передана на более низкий уровень управления; 3 – нормы определены, механизмы их реализации зафиксированы. Максимально возможная оценка страны по всем направлениям составляет 24 балла. Чем выше балл – тем более детально прописаны и сконцентрированы на национальном уровне нормы в отношении школьного выбора.

Сбор данных в отношении характеристик школьного выбора осуществлялся в логике кабинетного исследования на основе вторичных данных. Сбор реализован на основе анализа национальных нормативно-правовых и стратегических документов. Поиск документов производился на официальных сайтах национальных министерств образования, официальных тематических порталах, специализированных интернет-порталах правовой информации. Всего проанализировано 89 действующих на момент анализа документов по 14 странам (из числа 15 постсоветских стран в анализ не вошел Туркменистан в силу сложности поиска документов по этой стране): национальные законы об образовании, в том числе по отдельным ступеням образования, законы о правах детей, инвалидов, государственном языке, бюджетный кодекс и другие – всего 50 документов; указы и положения, определяющие функционирование национальной системы образования, утверждающие стратегии развития или формирующие основные нормы правоприменения – 21 документ; регламенты и порядки, устанавливающие определенный порядок действий, регламент реализации тех или иных функций системы образования – 18 документов.

Результаты

Исследование демонстрирует наличие механизмов школьного выбора во всех постсоветских странах, но в разных масштабах. В результате анализа сформированы индексы для каждой из стран (табл.).

Индекс вариативности механизмов реализации школьного выбора выше всего в России. В российской образовательной политике предусмотрено больше возможностей для частного школьного сектора, а также шире спектр коэффициентов финансирования разных категорий школ и учащихся. Государственные школы имеют больше возможностей для реализации платных образовательных услуг. В образовательном законодательстве прописано больше положений для особых категорий обучающихся, как одаренных, так и имеющих трудности в обучении. Именно в России при высоком уровне декларируемых механизмов реализации школьного выбора, наблюдается

высокая степень централизации, что свидетельствует о большем контроле на национальном уровне, чем на местах. Наименьшая степень регламентации национального уровня касается аспектов внутреннего трекинга, который чаще передается в ведение местной власти или самих школ.

Таблица

Индексы стран

<i>Страна</i>	<i>Вариативность механизмов реализации (индекс, max=10)</i>	<i>Централизация нормативного регулирования (индекс, max=24)</i>
Россия	8	19
Эстония	7,25	12
Беларусь	6,75	11
Казахстан	6,75	8
Латвия	6,5	10
Литва	6,25	10
Узбекистан	6	11
Украина	6	7
Армения	5,75	12
Грузия	5,75	10
Кыргызстан	5,75	6
Таджикистан	5,75	4
Молдова	5,5	10
Азербайджан	5,5	8

В Эстонии, несмотря на достаточно высокий уровень вариативности, этот показатель ниже, чем в России из-за менее строгой регламентации возможностей выбора для учащихся из национальных меньшинств. Например, не обнаруживается норм, определяющих включение предметов, связанных с языками и культурой национальных меньшинств, в школьные программы. Также наблюдается меньшая регламентация возможностей для частного сектора, что приводит к меньшему разнообразию форм обучения в школе. В то же время в Эстонии высокий балл по индексу централизации, что указывает на более детальное фиксирование на национальном уровне условий обучения для детей особых категорий, чем в других странах. Характерно, что именно в Эстонии высокий показатель индекса вариативности механизмов выбора для таких категорий детей.

Значения индекса вариативности в Беларуси и Казахстане равны, однако, в отличие от лидеров по этому индексу, в этих странах не зафиксированы формы ресурсной поддержки для одаренных и мотивированных

детей, не прописано отдельно право на обучение по индивидуальному плану и не описано право школ на самостоятельное определение перечня предоставляемых платных услуг. Также в этих странах зафиксировано меньше возможностей для частного сектора. В них разный уровень централизации регулирования школьного выбора. В Беларуси нормы национального уровня более детально определяют порядок обучения особых категорий детей и коэффициенты финансирования различных типов школ и учащихся. В то время как в Казахстане, несмотря на сходные показатели индекса вариативности, эти нормы более общие, что указывает на разные уровни контроля за реализацией права на школьный выбор.

В Литве и Латвии показатели по критерию внешнего трекинга выше, чем в Беларуси и Казахстане, благодаря селективности школьной системы, наличию электронных сервисов для выбора школы и более широким возможностям выбора форм обучения. Однако в Латвии общий показатель индекса вариативности ниже, чем в Беларуси и Казахстане, из-за отсутствия возможностей выбора траектории обучения на ступени основной школы, ограниченных возможностей для индивидуализации обучения одаренных и мотивированных обучающихся, а также меньшей вариативности механизмов реализации платных образовательных услуг в государственных школах. В Литве показатель еще ниже из-за меньшей регламентации обучения для национальных меньшинств и меньшего количества механизмов поддержания равенства на системном уровне – в национальных документах об образовании отсутствуют нормы, запрещающие вступительные испытания в первый класс и старшую школу, несмотря на включение старшей школы в обязательное образование. По индексу централизации Латвия и Литва демонстрируют одинаковые результаты, с более детальным описанием возможностей для частных школ и дифференциации финансирования различных категорий школ и учащихся, чем в других странах. В этих странах также наблюдается меньшая степень централизации по вопросам внешнего трекинга, механизмов селекции и порядка обучения особых категорий учеников, которые обычно передаются на местный уровень или в ведение самих школ.

В Узбекистане и Украине индекс вариативности показывает равные значения, которые, однако, оказались ниже по сравнению с другими упомянутыми странами. Это связано с отсутствием цифровых сервисов для выбора школы, наличием селективных механизмов при приеме на профильные программы, а также ограничениями выбора индивидуальных учебных планов (ИУП) для детей особых категорий. Также в этих странах заметно снижен спектр особых коэффициентов бюджетного финансирования школ. Несмотря на схожесть декларируемых механизмов реализации выбора, индекс централизации выявляет заметные различия между этими странами. В Узбекистане нормы в отношении внешнего трекинга, механизмов селекции и порядка обучения особых категорий учащихся прописаны более детально.

Хотя у Армении, Грузии, Таджикистана, Кыргызстана одинаковый итоговый балл по индексу вариативности, существуют внутренние различия в этих странах, особенно по критериям внешнего и внутреннего трекинга. В Армении и Кыргызстане наблюдается более высокое разнообразие механизмов и вариантов выбора форм обучения по сравнению с Грузией и Таджикистаном. Все четыре страны показывают примерно одинаковые результаты, которые свидетельствуют об их отставании по индексу в сравнении с другими странами, особенно в отношении отсутствия норм, ограничивающих возможность селекции на ступени старшей школы. Коэффициенты финансирования в этих странах определены для более узкого спектра типов школ, количество возможностей для реализации платных услуг в государственных школах и для частных школ ограничено. Несмотря на некоторое сходство в общих показателях, страны различаются по степени централизации. В Таджикистане и Кыргызстане регулирование большинства декларируемых механизмов выбора перенесено на местный уровень или вообще не регламентировано. В Грузии особенности обязательного образования, внешнего трекинга и деятельности частных школ зафиксированы более детально на национальном уровне. В Армении дополнительно более серьезно регламентированы процессы, связанные с внутренним трекингом и порядком обучения особых категорий.

В Молдове и Азербайджане отмечены наиболее низкие баллы по индексу вариативности, что обусловлено минимальной фиксацией возможностей для частных школ, узким спектром особых коэффициентов финансирования для различных типов школ и учащихся. В Молдове также наблюдается минимальная регламентация возможностей реализации платных услуг в государственных школах. В обеих странах практически отсутствуют упоминания о включении в школьные программы предметов, связанных с языками и культурой национальных меньшинств. В Азербайджане нет ограничений селективных механизмов при поступлении учащихся в первый класс и переходе в старшую школу. В Молдове отсутствуют упоминания о возможностях выбора формы обучения, ограничениях селекции при поступлении на профильные программы и наличии электронных сервисов выбора школы. По индексу централизации в Молдове нормы в отношении механизмов селекции и порядка обучения особых категорий зафиксированы более детально на национальном уровне по сравнению с Азербайджаном.

Низкие значения индексов в ряде стран не обязательно свидетельствуют об отсутствии регулирования как такового, поскольку часто используется практика передачи полномочий на более низкие уровни управления. Важно отметить, что формирование индексов по двум шкалам позволяет сопоставлять страны не только в рамках «рейтинга», где оценивается, кто наиболее успешно продвигает реализацию принципов школьного выбора или кто «лидирует» в делегировании полномочий на нижестоящие уровни. Эти индексы дают возможность увидеть разные комбинации (паттерны) политик,

группировать страны по критерию сходства этих комбинаций и проводить межгрупповые сопоставления. Интересно, что образовавшиеся группы не всегда совпадают с традиционными, объединяемыми по географическому принципу или исходя из других используемых типологий (Ademmer et al. 2019; Nosov et al., 2020).

Наблюдаемое сходство систем образования стран Балтии и Центральной Азии по шкале централизации, которое заключается в делегировании контроля на местный уровень, может иметь разные причины. В случае стран Балтии это связано с принятыми европейскими стандартами местного самоуправления, которые поддерживают идею децентрализации и предоставления большей автономии местным органам власти. В странах Центральной Азии подобная практика может быть обусловлена дефицитом ресурсов для эффективного обеспечения контроля за соблюдением норм на национальном уровне.

Заключение

Предпринятое исследование расширяет поле исследований постсоветского транзита национальных систем образования стран бывшего СССР. Основная задача заключалась в сопоставительном анализе нормативного регулирования вопросов школьного выбора. Она позволила выявить векторы изменений в образовательной политике стран в результате транзита от унифицированной советской системы к суверенной национальной модели управления образованием. С помощью метода индексирования квантифицированы категории, определяющие характер регулирования школьного выбора. Это исследование является первым сопоставительным анализом всей группы стран бывшего СССР, где анализ политик рассматривается как предмет исследования, а не только контекст. Результаты основаны на уникальном массиве данных (Anchikov et al. 2023), дополненном экспертными интерпретациями.

Установлено, что все страны в период транзита сделали шаги к формированию механизмов поддержки школьного выбора и расширению вариативности, что подтверждается другими исследованиями (Silova 2002, 2009). Особый вклад данной работы заключается в том, что она демонстрирует детали общего тренда, раскрывая сочетание возможностей выбора с характером их регулирования. Анализ предоставляет более глубокое понимание опций выбора с точки зрения системных условий, а также возможностей, которые имеются у семей и детей для осуществления этого выбора. Такое детальное изучение способствует лучшему пониманию факторов, которые определили различия в этих комбинациях, и является предметом дальнейших исследований.

В статье предложен подход к анализу политики, основанный на использовании двух шкал. Сочетание шкалы вариативности механизмов

выбора со шкалой централизации позволяет выявлять значимые особенности политик: не только декларирование возможностей выбора, но и характер контроля за их реализацией. Это понимание открывает новые перспективы для анализа результатов исследований общих моделей государственного регулирования в странах постсоветского пространства. Например, исследование контекста в России показало, что политика по обеспечению качества и подотчетности в образовании на местном уровне часто имеет выраженный бюрократический характер. Иногда используемые инструменты скорее создают иллюзию их выполнения, чем действительно применяются на практике (Gurova 2018).

Исследование основано на логике *SABER*, но расширяет его методологию за счет введения шкалы централизации, которая позволяет оценивать уровни регулирования анализируемых аспектов политики. Тем не менее подобно *SABER*, данное исследование сталкивается с ограничением: оно основано исключительно на анализе документов, без учета реального действия законов, которое может значительно отличаться от формально установленных норм. Такой подход не позволяет учитывать многие важные аспекты, такие как социокультурные или геополитические. Для глубокого понимания реальной эффективности и воздействия нормативных инструментов, поддерживающих школьный выбор, необходимо продолжить исследование, ориентируясь на анализ практик реализации этих законов и положений.

Список использованных сокращений

- НПД – нормативно-правовой документ
- ИУП – индивидуальный учебный план
- ОВЗ – ограниченные возможности здоровья

Выражение признательности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Konstantin Anchikov, Sergey Zair-Bek, Tatyana Mertsalova

SCHOOL CHOICE POLICIES IN POST-SOVIET COUNTRIES: EXPERIENCES IN CONSTRUCTING AN INDEX

The article is devoted to a comparative analysis of national educational policies in the field of school choice in the countries of the former Soviet Union. The aim of the study is to analyze the transformation of education policy after the collapse of the USSR – the transition from the unified Soviet system to sovereign national models of education management. It proposes a new approach to understanding school choice, taking into account legally established norms that ensure the individualization of students' educational trajectories and support the possibility of exercising choice. The comparative analysis of the normative regulation of school choice is carried out using the indexing method based on the developed set of indicators characterizing the variability and centralization of the mechanisms of normative regulation of school choice. The study shows that all post-Soviet countries have taken steps towards the formation and implementation of school choice mechanisms. In addition to the traditional consideration of 'ratings,' the paper focuses on the analysis of the combination of choice opportunities with the nature of their regulation at different levels, which allows for a fuller assessment of the complexity and multifaceted nature of the transformation processes. In particular, it is emphasized that although documented regulation and the provision of choice are widely proclaimed, the actual implementation and effectiveness of these mechanisms is often limited by local socio-cultural, economic, and geopolitical conditions.

Keywords: school choice, educational policy, educational inequality, indexing, cross-country comparison

Citation: Anchikov K., Zair-Bek S., Mertsalova T. (2024) School Choice Policies in Post-Soviet Countries: Experiences in Constructing an Index. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (2): 209–224.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-209-224

Konstantin Anchikov – graduate student, researcher at Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: kanchikov@hse.ru ORCID: 0000–0002–9021–7339

Sergey Zair-Bek – Cand. Sci. (Pedag.), Leading expert at Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: szair-bek@hse.ru ORCID: 0000–0001–6390–2296

Tatyana Mertsalova – Cand. Sci. (Pedag.), Leading expert at Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: tmertsalova@hse.ru ORCID: 0000–0003–1482–1988

Acknowledgment

The research that led to these results was funded by the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics

References

- Ademmer E., Delcour L., Hoffmann K., Jaroszewicz M. (2019) Interdependencies and Regime Stability: Evidence from Russia, the EU, and Eastern Partnership Countries. Conference Paper. Available at: <https://www.alexandria.unisg.ch/handle/20.500.14171/98730> (accessed 15 October 2023).
- Andreotti V. (2011) *Actionable Postcolonial Theory in Education*. Springer.
- Anchikov K., Ivanov I., Zair-Bek S. (2023) 'School Choice Index,' Mendeley Data, VI, doi: 10.17632/sz55gyhy6r.1
- Archbald D. (1996) Measuring School Choice Using Indicators. *Educational Policy*, 10(1), <https://doi.org/10.1177/0895904896010001005>.
- Ashcroft B. (2001) *Post-Colonial Transformation*. N.Y., Routledge.
- Ball S. J. (2012) Show Me the Money! Neoliberalism at Work in Education. *The Forum*, (54): 23–28.
- Brysk A., Parsons C., Sandholtz W. (2002) After Empire: National Identity and Post-Colonial Families of Nations. *European Journal of International Relations*, 8 (2): 267–305.
- Cook L. J., Iarskaia-Smirnova E. (2023) Welfare Reforms in Post-Soviet States: Current Issues and Research Highlights. *Europe-Asia Studies*, 75 (2): 173–185.
- Cowen R. (1996) Last Past the Post: Comparative Education, Modernity and Perhaps Post-Modernity. *Comparative Education*, 32 (2): 151–170.
- Cowen R. (2000) Comparing Futures or Comparing Pasts? *Comparative Education*, 36 (3): 333–342.
- Davies B., Bansel P. (2007) Neoliberalism and Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*, 20 (3): 247–259.
- Eucken W. ([1932] 2017) Structural Transformations of the State and the Crisis of Capitalism. In: T. Biebricher, F. Vogelmann (eds.) *The Birth of Austerity: German Ordoliberalism and Contemporary Neoliberalism*. London: Rowman & Littlefield: 51–72.
- Escobar-Pérez J., Cuervo-Martínez Á. (2008) Validez de contenido y juicio de expertos: una aproximación a su utilización. *Avances en medición*, 6 (1): 27–36.
- Fernández-Gómez E., Martín-Salvador A., Luque-Vara T., Sánchez-Ojeda M.A., Navarro-Prado S., Enrique-Mirón C. (2020) Content Validation through Expert Judgement of an Instrument on the Nutritional Knowledge, Beliefs, and Habits of Pregnant Women. *Nutrients*, 12 (4): 1136.
- Gandhi L. (2018) *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. Columbia University Press.

- Gerskovits B. (1998) *The Political Economy of Protest and Patience: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Budapest: CEU Press.
- Gurova G. (2018) Soviet, Post-Soviet and Neo-liberal: Governing Russian Schools through Quality Assurance and Evaluation. *Policy Futures in Education*, 16 (4): 398–415.
- Harguindéguy J.-B. P., Cole A., Pasquier R. (2021) The Variety of Decentralization Indexes: A Review of the Literature. *Regional & Federal Studies*, 31 (2): 185–208.
- Janashia S. (2015) The Voucher System in Georgia. In: J. Zajda (ed.) *Globalisation, Ideology and Politics of Education Reforms. Globalisation, Comparative Education and Policy Research*, vol. 14. Springer, Cham: https://doi.org/10.1007/978-3-319-19506-3_8.
- Jheng Y. jie, Lin C. wen, Chang J. C. chen, Liao Y. kuang (2022) Who is Able to Choose? A Meta-analysis and Systematic Review of the Effects of Family Socioeconomic Status on School Choice. *International Journal of Educational Research*, (112): 101943.
- Kapustin B. (2001) The End of ‘Transitology’? *POLIS: The Journal of Political Studies*, (4). Available: <http://www.politstudies.ru/arch/2001/4/2-e.htm> (accessed 15 January 2023).
- Karpov V., Lisovskaya E. (2001) Reforms and Mutations in Russian Schooling: Implications for Theory of Educational Transitions. *Paper presented at the 45th Annual Conference of Comparative and International Education Society*. Washington DC, March: 14–17.
- Khavenson T., Carnoy M. (2016) The Unintended and Intended Academic Consequences of Educational Reforms: The Cases of Post-Soviet Estonia, Latvia and Russia. *Oxford Review of Education*, 10.1080/03054985.2016.1157063.
- Kugelmass J. W., Galkienė A. (2003) Education in Post-Soviet Lithuania and the Inclusion of Children with Special Education Needs. In: J. W. Kugelmass, D. J. Ritchie (eds.) *Advocating for Children and Families in an Emerging Democracy: The Post-Soviet Experience in Lithuania*. IAP: 63–92.
- Makoelle T. M. (2020) Schools’ Transition toward Inclusive Education in post-Soviet Countries: Selected Cases in Kazakhstan. *Sage Open*, 10 (2): 2158244020926586.
- Mitter W. (2003) A Decade of Transformation: Education Policies in Central and Eastern Europe. In: M. Bray (ed.) *Comparative Education: Continuing Traditions, New Challenges, and New Paradigms*. London: Kluwer: 75–96.
- Niyozov S., Dastambuev N. (2013) Exploiting Globalization while Being Exploited by It: Insights from Post-Soviet Education Reforms in Central Asia. *Comparative and International Education*, 41 (3): <https://ir.lib.uwo.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1178&context=cie-eci>.
- Nosov V., Tsypin A., Galasova S., Zveryaeva S., Shel T. (2020) Classification of Post-Soviet Countries by The Level of Socio-Economic Development. *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBI-MA)*. Seville, Spain: 2207–2214.
- OECD (2017) *School Choice and School Vouchers: An OECD Perspective*. OECD Publishing, Paris.
- Partlett W., Küpper H. (2022) *The Post-Soviet as Post-Colonial: A New Paradigm for Understanding Constitutional Dynamics in the Former Soviet Empire*. Edward Elgar Publishing.
- Poder K., Lauri T. (2014) Will Choice Hurt? Compared to What? A School Choice Experiment in Estonia. *Journal of School Choice*, 8 (3): 446–474.

- Poder K., Lauri T., Ivaniushina V., Alexandrov D. (2016) Family Background and School Choice in Cities of Russia and Estonia: Selective Agenda of the Soviet Past and Present. *Studies of Transition States and Societies*, 8 (3): 5–28.
- Rogers H., Demas A. (2013) The What, Why, and How of the Systems Approach for Better Education Results (SABER). *Systems Approach for Better Education Results (SABER)*. Washington, D.C.: World Bank Group. clck.ru/3AcED9.
- Shore C. (2010) The Reform of New Zealand's University System: 'After Neoliberalism.' *Learning and Teaching*, (3): 1–31.
- Silova I. (2002) Returning to Europe: Facts, Fiction, and Fantasies of Post-Soviet Education Reform. In: A. Nóvoa, M. Lawn (eds.) *Fabricating Europe: The Formation of an Educational Space*. Dordrecht: Kluwer: 87–109.
- Silova I. (2009) Varieties of Educational Transformation: The Post-Socialist States of Central/Southeastern Europe and the Former Soviet Union. In: R. Cowen, A. M. Kazamias (eds.) *International Handbook of Comparative Education. Springer International Handbooks of Education*, vol. 22. Springer, Dordrecht: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6403-6_19.
- Steiner-Khamsi G. (2014) Cross-national Policy Borrowing: Understanding Reception and Translation. *Asia Pacific Journal of Education*, 34 (2): 153–167.
- Tabatadze S., Gorgadze N. (2017) School Voucher Funding System of Post-Soviet Georgia: From Lack of Funding to Lack of Deliverables. *Journal of School Choice*, 12 (2): 271–302.
- Tikly L. (2008) *Globalisation and the Post-Colonial World: New Challenges for Education. Inaugural Lecture*. University of Bristol.